

Ответ Гу Цина не стал для Мэй Сяотун неожиданностью. Она посмотрела на него с беспомощностью и сочувствием.

— На характер Цзибая сильно повлияла его мать, — заговорила она. — Если ты с ним общался, то наверняка это почувствовал. Моя невестка была женщиной строгих, традиционных взглядов, и Цзибай рос в жёстких рамках. У него просто не было возможности заводить романы, да и людей, способных привлечь его внимание, можно пересчитать по пальцам. Юй Цзиньнянь был одним из них. Если называть вещи своими словами, это была его первая любовь.

Услышав имя, которое когда-то принадлежало ему, Гу Цин промолчал. Сомнительный статус «первой любви» волновал его куда меньше, чем то, как Мэй Цзибай провёл последние два года. Об этом ему никто не рассказывал, а сам он не решался спросить, зная, что тот не станет откровенничать.

Мэй Сяотун тем временем продолжала:

— Они были обручены ещё в детстве. Позже, когда у семьи Юй начались неприятности, мать Юй Цзиньняня забрала его и уехала. Их новая встреча с Цзибаем спустя годы прошла... не слишком гладко. Я видела его пару раз: он напоминал... колючего ежа. Я понимала причины, но такой характер мне никогда не нравился — слишком много острых углов. Цзибай только кажется покладистым и мягким, на самом же деле он упрямый и невероятно придирчивый деспот. Я была уверена, что он не сможет принять кого-то вроде Юй Цзиньняня, но...

Она сделала паузу, словно взвешивая слова.

— Реальность преподнесла сюрприз. После того как они разругались, Юй Цзиньнянь, который всегда был настроен к Цзибаю враждебно, вдруг сам пошёл на сближение. Должно быть, из-за тех старых дел его семьи. Даже я видела, что у него есть корыстный интерес, и Цзибай не мог этого не понимать. Однако он позволил ему остаться рядом и охотно помогал. Я пыталась его переубедить, но он просто сказал мне... что любит Юй Цзиньняня. Очень сильно любит.

Мэй Сяотун горько усмехнулась.

— Разумеется, я не считала их подходящей парой. Цзибай с детства был парнем с характером: если он что-то вбил себе в голову, его не переубедить. Я думала, их противостояние затянется, и со временем он поймёт, что его интерес к Юй Цзиньняню — лишь любопытство к человеку, который не похож на его окружение. Никто не ожидал, что внезапная смерть Юй Цзиньняня так быстро поставит во всём этом точку.

Она замолчала и пригубила вино. В кабинете воцарилась тишина.

Гу Цин впервые слушал рассказ об их с Мэй Цзибаем прошлом со стороны. Поначалу они действительно были как кошка с собакой. После крупной ссоры ему пришлось пойти на уступки, чтобы продвинуться в расследовании. У него не было ни власти, ни связей, ни

ресурсов... Помощь старшего молодого господина Мэй казалась идеальным вариантом.

Гу Цин всегда считал, что Мэй Цзибай просто забавляется с ним, как с новой игрушкой. Неужели Мэй Сяотун тоже обманулась? Чтобы он — и действительно полюбил его?

«Да быть не может. Глупости какие».

Фан Хуайнин накрыл ладонь Мэй Сяотун своей, ободряюще улыбнувшись. Она слабо улыбнулась в ответ, вздохнула и продолжила:

— У Юй Цзиньняня не было близких, так что похоронами Цзибай занимался сам. Он же сделал всё, чтобы пресса об этом помалкивала. Только после его смерти я осознала, что тогда, в нашем разговоре, он не шутил. Его чувства к этому мальчику оказались глубже, чем кто-либо мог вообразить.

Она внимательно посмотрела на Гу Цина.

— Есть раны, которые не видны глазу. Чем спокойнее он выглядит, чем непринуждённее держится, тем больше зияющая пустота в его сердце. Он стал ещё холоднее, чем два года назад, и дело не только в манерах. Не знаю, чувствуешь ли ты это, но он смотрел с притворным теплом. Это как зимний пруд: под лучами солнца поверхность искрится и кажется тёплой, но на глубине вода ледяная, почти застывшая. Смерть Юй Цзиньняня... словно забрала часть его души.

Гу Цин слушал, разрываясь между потрясением и растерянностью. Он всё ещё не верил в такую преданность, но Мэй Сяотун говорила так убедительно... Разве он мог не знать, любили его или нет?

— Он почти не упоминал при мне Юй Цзиньняня, — выдавил он, чувствуя себя крайне неуютно.

— Мы тоже стараемся не поднимать эту тему, — кивнула Мэй Сяотун. — Он может заговорить о нём сам, но никогда не покажет, что чувствует на самом деле. Так его воспитали: лицо должно оставаться бесстрастной маской. Но разве отсутствие эмоций означает отсутствие боли? Смерть Юй Цзиньняня стала для него барьером, который почти невозможно преодолеть.

Гу Цин промолчал. В душе всё ещё жил скепсис, и лишь спустя долгое время он смог выдавить:

— У нас с ним просто брак по расчёту. Даже если всё так, как вы говорите...

Мэй Сяотун заметно оживилась.

— Ты когда-нибудь задумывался, почему ваши отцы так настойчиво продвигали этот союз?

Гу Цин заставил себя сосредоточиться на разговоре.

— Разве не ради сотрудничества двух корпораций?

— В том числе. Но Цзибай заперт в своей клетке из прошлого. И он ведь уже установил для тебя немало правил в доме, верно? — Мэй Сяотун негромко рассмеялась.

Гу Цин смутился.

— Есть такое. Шагу ступить не даёт без присмотра.

— Раньше ты вёл себя вызывающе и безрассудно, а Цзибай застрял в своём горе. Возможно ли, что вы двое сможете повлиять друг на друга? Все считают, что ты им восхищаешься — а в нашем кругу это приравнивается к любви. Он исправляет твои дурные привычки, а ты... ты помогаешь ему выкарабкаться из этой ямы. Это выгодно обеим семьям. Идеальный расклад.

«Так вот в чём дело?» Гу Цин нахмурился, погрузившись в раздумья.

Мэй Сяотун не торопила его, понимая, какой удар нанесли её слова. Подождав несколько минут, она добавила:

— Подумай над этим. Ты ведь восхищаешься им. Неужели тебе не хочется чего-то большего? Не хочешь, чтобы он по-настоящему в тебя влюбился? Гу Цин, раньше я была против, но теперь одобряю твою кандидатуру. Я редко ошибаюсь в людях.

В голове у Гу Цина всё перепуталось.

— Это всё... кажется мне каким-то нереальным.

— Понимаю. Не торопись, чувства не терпят суеты. Иногда осознание приходит в один миг, но до того, как взойдёт солнце, всегда тянется долгая тьма.

Мэй Сяотун встала, подошла к Гу Цину и крепко сжала его руку.

— Я видела фотографии с юбилея университета. Гу Цин, он смотрит на тебя совсем не так, как на остальных. Не знаю, что ты сделал, чтобы он подыгрывал тебе на публике и даже позволил себя поцеловать, но в одном я уверена точно: ты для него — особенный.

Гу Цин замер, глядя в пустоту.

— Он... я... я не знаю...

Фан Хуайнин подошёл и обнял жену за плечи.

— Ладно, довольно. Ты и так сказала достаточно, не пугай парня. Ему нужно время, чтобы всё переварить.

Мэй Сяотун фыркнула и отпустила руку Гу Цина.

— Остальное зависит от твоего выбора. Кстати, я сейчас в стране, скоро начнутся съёмки. Будет время — заглядывай к нам на площадку.

Гу Цин что-то пробормотал в ответ. Даже после того, как они разошлись, он пребывал в прострации, не в силах поверить, что Мэй Цзибай действительно любил Юй Цзиньяня... любил его.

«Может, стоит найти способ и проверить это?»

Весь остаток дня мысли путались. На работе удавалось хоть ненадолго отвлечься, но, вернувшись вечером домой, он замер перед дверью, не решаясь нажать на ручку.

Полчаса назад Мэй Цзибай прислал сообщение: спрашивал, вернулся ли он и нужно ли ждать к ужину. Когда Гу Цин осознал, что именно ответил, время для удаления уже вышло. Глядя на лаконичное «иду», он чувствовал, как внутри всё завязывается узлом.

Он вовсе не считал себя нерешительным, но сейчас просто не мог заставить себя войти и прямо спросить: «Тебе действительно нравился Юй Цзиньянь?»

Пока он предавался бесплодным раздумьям, дверь внезапно распахнулась. Столкнувшись взглядом с Мэй Цзибаем, Гу Цин, как ни странно, мгновенно успокоился.

— И что это значит? — усмехнулся он. — Я не настолько важная персона, чтобы ты мне двери открывал. Собрался куда-то?

Мэй Цзибай не стал выдавать его, хотя прекрасно знал, что тот уже вечность торчит на пороге.

— Услышал шум снаружи, решил проверить, — невозмутимо ответил он, отступая вглубь дома.

Гу Цин не стал копать глубже и вошёл следом.

— Мне позвонили, решил договорить на улице.

— Понятно. Пойдём ужинать. В следующий раз заходи и разговаривай внутри. Осень в разгаре, по ночам холодает.

Гу Цин неопределённо хмыкнул. С чего бы такая забота? От этого участия становилось не по себе; его куда больше устраивал прежний тон Мэй Цзибая — сухой и деловой.

За столом они перебросились лишь парой фраз. Быстро покончив с едой, Гу Цин направился к лестнице, но Мэй Цзибай окликнул его. Он замер и обернулся:

— Что-то ещё?

Мэй Цзибай стоял на две ступеньки ниже, глядя ему прямо в глаза.

— О чём вы говорили с тётушкой после того, как я ушёл?

Гу Цин на секунду отвёл взгляд, но тут же вернул его обратно.

— Да так, ни о чём особенном.

Мэй Цзибай внимательно следил за его мимикой.

— Совсем ни о чём? После переезда из Старого поместья семьи Мэй ты за столом обычно не умолкал, а сегодня подозрительно тихий.

Гу Цин выдавил улыбку.

— Просто думаю о делах компании. Я же говорил, звонок был.

Мэй Цзибай поднялся на ступеньку выше и, проходя мимо, слегка похлопал Гу Цина по плечу.

— Не бери на себя слишком много. Ты раньше не занимался бизнесом, нужно время, чтобы войти в курс дела. Если захочешь обсудить рабочие вопросы — я всегда готов помочь.

Гу Цин кивнул. Дождавшись, когда шаги стихнут, он медленно побрёл к себе. Если бы дело было только в работе, всё было бы проще. Но чувства — это клубок, который невозможно распутать за один вечер.

Тем более когда сам не понимаешь, чего хочешь.

Ночь прошла в тяжёлом полузабытьи. Стоило закрыть глаза, как возвращались обрывки

воспоминаний из прошлой жизни. Теперь Гу Цин словно смотрел на них со стороны, и картина менялась. Казалось... взгляд Мэй Цзибая, устремлённый на него, никогда не был взглядом хозяина на вещь.

Утром он проснулся с тяжёлой головой. В душе клокотало раздражение, смешанное с унынием. Встать не хотелось совершенно.

Когда в дверь постучали, он не выдержал:

— Я ещё посплю! Не трогай меня!

Однако его протест проигнорировали. Дверь открылась, и в комнату вошёл Мэй Цзибай. Гу Цин недовольно фыркнул:

— Ты меня не слышишь? Я же говорил, что с утра бываю не в духе. Не надо меня трогать, я сам встану, когда успокоюсь. Зачем нарываться на грубость?

Мэй Цзибай подошёл к кровати и поставил какой-то предмет на тумбочку.

— Это музыкальный будильник. Когда он сработает, зазвучит мелодия. Можешь выбрать любую, какая тебе нравится. Не спеши вскакивать, полежи пару минут — станет легче.

Голос Мэй Цзибая звучал мягко; его безупречное произношение и спокойные интонации действовали умиротворяюще. Гу Цин зажмурился и отвернулся к стене, решив не продолжать спор.

Он затих, выставив из-под одеяла лишь копну растрёпанных волос, что выглядело довольно забавно. Мэй Цзибай едва заметно улыбнулся и легонько взъерошил его волосы.

— Приходи в себя. Завтрак на столе. Я предупрежу твоего помощника, что ты задержишься.

С этими словами он включил будильник. Комнату наполнили звуки нежной мелодии. Послышался тихий щелчок закрываемой двери.

Гу Цин вздрогнул, медленно поднял руку и коснулся макушки. Там всё ещё чувствовалось тепло ладони Мэй Цзибая. Под звуки фортепиано раздражение постепенно улетучилось.

Он повернулся и уставился на будильник в форме маленького оленёнка. Эта мелодия показалась ему знакомой... Он слышал, как её играл сам Мэй Цзибай.

Спустя полчаса Гу Цин всё же заставил себя подняться. Когда он спустился вниз, Мэй Цзибая

уже не было.

Днём он собирался позвонить ему и поблагодарить, но тот опередил его, прислав сообщение со ссылкой. Мэй Цзибай спрашивал, свободен ли он вечером: друзья пригласили их на концерт.

Гу Цин кликнул по ссылке. Классическая музыка была для него тёмным лесом, и он уже собирался вежливо отказаться, как вдруг увидел имя исполнителя.

Ян Фань.

Он мгновенно передумал и набрал ответ. Ян Фань — он знал это имя ещё до своей «смерти». Всемирно известный скрипач. Человек, которого считали идеальной парой для президента Мэй. Настоящая родственная душа — как скрипка и фортепиано.

Идти? Конечно, идти. Он очень хотел посмотреть на этого Ян Фаня, который в своё время в упор не замечал какого-то там Юй Цзиньняня. Интересно, как он отреагирует на него теперь, когда Гу Цин стал законным супругом Мэй Цзибая?

Пригласили их обоих... Что же, сегодня вечером его ждёт настоящий Хунмэньский пир.

<http://bllate.org/book/17544/1710614>